

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-11

Н.Ф. Алефиренко

tion and similar papers at core.ac.uk

brought to

provided by DSpace at Belgor

В статье рассматриваются природа и сущность смысла в его отношениях к номинации, значению и концепту. Проблема их соотношения раскрывается на материале номинативных и коммуникативных единиц через сопоставление разных исследовательских парадигм: логико-философской, логико-семиотической, психолингвистической, лингвосемиотической и коммуникативно-прагматической.

Ключевые слова: номинация, смысл, значение, денотат, референт, экстенционал, интенционал, концепт, интенциональность.

На создании непротиворечивой лингвофилософской доктрины онтологической сущности значения и смысла негативно сказываются не всегда согласующиеся между собой их междисциплинарные интерпретации (прежде всего в философии, логике и психологии).

В логико-философских исследованиях ставится задача семантического разграничения денотативно равнозначных знаков. Их авторы пытаются ответить на вопрос: чем – смыслом или значением – различаются языковые знаки, соотносимые с одним и тем же денотатом? Наиболее известное суждение по этому вопросу принадлежит Г. Фреге. Учёный полагал, что такие языковые знаки соотносятся экстенционально и интенционально. Относительно своих экстенсионалов они тождественны. Будучи, по его мнению, кореферентными, такие знаки выражают одно и то же значение. Вместе с тем они различны по смысловому содержанию, поскольку являются носителями разных интенсионалов. В данном суждении Г. Фреге обрёл многочисленных приверженцев, хотя в наше время практически никто не обращает внимания на некорректно выраженную мысль с точки зрения семасиологии. Автор данной концепции не разграничивает референцию (референт) и денотацию (денотат) языкового знака. Согласно нашей теории (см.: [1. С. 29]) **р е ф е р е н т** – отдельно взятый предмет знакообозначения, а **д е н о т а т** – класс однородных предметов (референтов), номинируемых данным знаком. Это недоразумение можно было бы отнести к разряду чисто терминологической рассогласованности, если бы оно не касалось понимания сущности понятий «значение» и «смысл». Всем известно значение слова *дурак* – ‘глупый человек, глупец’. Однако в просторечном выражении *дураков нет* речь идет, конечно, не про дураков как таковых, а про людей простодушных. Последние пересекаются с дураками лишь в самой малой части. Как говорится в одном из блогов Интернета, наиболее простодушен в наши дни настоящий интеллигент.

¹ Работа выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2012–2013 годы)».

Поддерживая точку зрения Г. Фреге, Р.И. Павилёнис дает ей логическую интерпретацию: «Понятие смысла Фреге имеет познавательную функцию: оно вводится прежде всего для решения проблемы познавательной ценности или информативности истинных утверждений тождества» [2. С. 48–49]. Насколько это удовлетворяет лингвистическую семасиологию? Можно ли согласиться, что смысл следует рассматривать как способ представления информации в знаке, а значение выводить за пределы языка во внешний мир, так как кореферентные знаки, по Фреге, выражают одно и то же значение? Кстати, такого рода дисбаланс понятий отразился на русском переводе немецкого оригинала статьи Г. Фреге «Sinn und Bedeutung» («Смысл и значение»). В русском переводе эта статья называется уже предельно экстралингвистически – «Смысл и денотат» [3]. Г. Фреге, как видим, пытается уйти от психологической теории смысла, обосновывая объективистскую в своей основе концепцию. Если психологическая теория трактует смысл как феномен субъективной природы, то его подход прямо противоположный: интерес субъективный, по сути, не связанный с субъектами речевой деятельности, игнорирует фактор говорящего и слушающего (см.: [4. С. 96]). В связи с неразграничением Г. Фреге референции и денотации логико-философский подход к семантике представлен несколькими теориями. Н.Б. Вяткина, например, различает в нём три вариации.

Первая может быть названа референциальной («экстенсionalной»). Её своеобразие состоит в отождествлении смысла языковых выражений с обозначаемыми объектами, под которые подводятся и референты и денотаты (С. Крипке и Я. Хинтиikka, Льюис, Монтегю, Каплан и Крессвелл). Учёные, поддерживающие эту линию, вслед за Г. Фреге оставляют невостребованным понятие интенционала. Они продолжают утверждать, что смысл языкового знака зависит не от способа представления информации в языковом знаке, а от «положения дел в мире» [2. С. 57], или от дискурсивной ситуации.

Вторая вариация логико-философского подхода ограничивается семантикой высказываний, опираясь лишь на один фактор: на обусловленность смыслового содержания высказывания условиями его истинности/неистинности. Такого рода теории обычно интенсивно используют идеи «семантики возможных миров». Одной из таких идей является представление о её антропоцентризме. По утверждению авторитетного теоретика семантики возможных миров Я. Хинтиikka, одним из основополагающих моментов семантики возможных миров является выбор возможных миров неким индивидом. Иными словами, возможные миры – это вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном и свое реальное «я» проецирующем в иные мыслительные пространства [5]. Как объект лингвистического исследования семантика возможных миров понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке. В отличие от реального мира возможные миры существуют в виде языковой модальности, называемой ещё модальностью возможных миров, которые в сознании объективируются с помощью лингвосемиозиса, определяющего их границы. Именно по отношению к возможным мирам выявляются истинные и ложные пропозиции, выражаемые предложениями-высказываниями. Здесь экстенционал является лишь фоном смысла. В качестве его основного мыслительного коррелята рас-

сматривается интенционал, под которым понимается выраженное в высказывании суждение, представляющее собой один из множества возможных миров, в которых оно истинно (см.: [6. С. 56]). По поводу продуктивности данной логики-философской теории рассуждает Р.И. Павлиёнис. Он пишет: «...определение осмысленности в терминах истинности предложения таит в себе порочный круг: знание истинности предложения предполагает знание его смысла, если же известен смысл предложения, нет необходимости прибегать к понятию истинности для определения семантики предложения. Вообще дискуссия по поводу первичности понятия истины в отношении понятия смысла или, наоборот, с нашей точки зрения, напоминает спор по поводу первичности курицы или яйца...» [2. С. 53]. Он признаёт, в частности, что она мало адаптирована к реалиям языка.

Третья вариация рассматриваемого подхода интерпретирует смысл предложения как заложенную в нём информацию (М. Данн и Г. Прист). Её сторонники дистанцируются как от теории экстенциональной семантики, так и от порождаемой ею семантики возможных миров. Они предпочитают интенциональную трактовку смысла в духе Г. Фреге (Е.К. Войшвилло, поздний Л. Витгенштейн, Дж. Остин). Для теории лингвистической семантики данная вариация логики-философского подхода ценна тем, что в понимании смысла она учитывает фактор межличностной коммуникации, что предполагает активное обращение к реалиям естественного языка. Тем самым делается решительный отход от теории Г. Фреге. Дж. Остин, например, разграничивая констативные и перформативные высказывания¹, уже не использует ни критерий истинности, ни критерий осмысленности, введённый ещё Г. Фреге. Вместо этих критериев Дж. Остин предлагает собственно лингвистическое понимание смысла, применимое и к констативам, и к перформативам. В современной семасиологии наибольшую популярность приобрели трактовки смысла, представленные в работах по теории речевых актов [7, 8]. Особенно большое значение такая интерпретация имеет для прагмалингвистики, поскольку смысл здесь понимается как производное от условий речевого общения. Например, один из участников молодёжного форума спрашивает: «В каком универе *халявнее* всего (в смысле легче) учиться?» Здесь уточняется смысл слова *халявнее*, производного от *халява*, которое в современном русском языке употребляется в значениях «бесплатно», «не прилагая каких-либо усилий», «нашару». В Интернете *халявой* обычно называют то, что предлагается бесплатно. Будучи весьма употребительным, это слово в разговорной речи нередко используется не по существу, а с приблатнённым оттенком. Слово *халява* восходит к арабскому *халва*. В восприятии российского обывателя – ‘нечто желательное и сладенькое’, что породило многочисленные анекдоты на тему «*халява плиз*». Однако слово *халява* имеет гораздо более серьёзный смысл. Халява – удобная форма взвешенного существования: состояние антиработы и антидеятельности или имитация работы, когда кто-либо получает материальную (или моральную) пользу, не прикладывая про-

¹ *Констативы* – сообщения о каком-либо положении дел. Констатив («утверждение») – разновидность иллокуции. Различают несколько типов констативов: утверждение, подтверждение, объявление, ответ, определение, притязание, классификация, согласие и др. *Перформативы* – высказывания, с помощью которых говорящий производит некоторые действия.

фессиональных умственных или физических усилий (из-за их отсутствия, некомпетентности или нежелания работать). Этот смысл сохранился и в производном слове *халявщик*. Вспомним ставшую крылатой фразу Лёни Голубкова – персонажа рекламного ролика печальной известной финансовой пирамиды (МММ): «Я не *халявщик*. Я – партнёр!». Так Лёня пытается оправдаться перед братом, ругающим его за сомнительную деятельность. *Халявщик* – человек, который с успехом широко пользуется *халявными* методами продвижения по службе, зарабатывая на приличный уровень жизни. Можно выделить ещё одну смысловую вариацию этого слова: это не *лентяй*, *бездельник* или *тупица*; он, скорее, представитель некомпетентной части работников, искренне убеждённых в своей правоте. Ср.: *Наша задача – помочь оградить настоящих учёных от имитаторов научной деятельности, или, как мы их называли, халявщиков* (Газ.). Очевиден антисоциальный смысл этого высказывания: *халявщик* – это своеобразный «антиталант», всё существование которого заключается в обмане общества, демонстрации своей значимости, «надувании щёк», «утверждении, что он пуп земли».

Не менее значим такой подход к интерпретации смысла и в дискурсологии, так как позволяет наиболее полно раскрыть возможности дискурса-анализа (конструктивность фактора говорящего и слушателя на фоне дискурсивного хронотопа).

Нельзя утверждать, что эта проблема в лингвистике не обсуждалась вообще. Однако собственно лингвистические размышления остаются системно неупорядоченными, поскольку всё ещё слишком велик разброс мнений по этому вопросу. Их труднообозримое множество можно свести к трём векторам. В одном из них делается семиотический акцент на понимании означаемого языкового знака. В данном случае лингвистическая интерпретация смысла сближается с логической. Исследователи второго направления пытаются выявить закономерные связи смысла с концептосферой человека, т.е. сосредоточиваются на когнитивно-познавательном аспекте смысла. Третьи, в стремлении избавиться от логической и психологической трактовки смысла, ведут поиск необходимых доказательств для обоснования собственно лингвистической теории, пытаясь прийти к пониманию сущности смысла через противопоставление лингвосемиотической системы и речевой деятельности. На наш взгляд, установка на чисто лингвистический способ решения проблемы смысла обречена на неудачу, поскольку сами исследуемые феномены изначально явления лингвокогнитивного характера, т.е. связаны с познавательной функцией языка. Поэтому важнее стремиться к тому, чтобы исходные и выводные составляющие такого подхода оставались в рамках лингвистики. Понятно, что и в лингвокогнитивистике, как и в любой иной гибридной науке, не удаётся избежать тех или иных перекосов (логико-семантический в семиологической грамматике Ю.С. Степанова, логико-семиотический в работах И.И. Ревзина и др.).

Основы когнитивной доминанты в семасиологии заложены Р.И. Павилёнисом. С его концепцией можно соглашаться или нет, но без его авторитетного мнения уже не обойтись. Оно служит некой отправной точкой в современной семасиологической трактовке смысла и значения. Данное направление отличается соотносением смысла с концептом, а смыслового потенциала

языка – с концептосферой языковой личности. Это служит основанием для развития двух дисциплинарных ответвлений. Одно связано с концептосферой этнокультуры, а другое – с концептосферой дискурсопорождающих субъектов (говорящего/слушающего, автора/читателя/персонажа). Однако это уже, скорее, ожидаемая перспектива, чем реалья сегодняшней лингвистики. Вернёмся к истокам когнитивного направления в лингвосемасиологии, где трактовка смысла связана с концептосферой языка и мыслительным субстратом речевой деятельности человека.

Согласно теории Р.И. Павилёниса смысл принадлежит индивидуальной концептуальной системе каждого говорящего как система его мнений и знаний о мире. Причем, в отличие от своих именитых предшественников, ученый полагает, что смысл обладает двоякой природой: доязыковой и внеязыковой. Доязыковой смысл представляет довербальный познавательный опыт человека, а внеязыковой – опыт вербализованного знания (см.: [2. С. 12]). Отождествляя смысл с концептом, автор даёт ему всё же логико-философское определение. Смысл, в его интерпретации, – это «информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира)» [2. С. 102]. Учёный считает смысл категорией внеязыкового плана. Для этого он использует следующие четыре аргумента: «а) смысл является не частью некоторой абсолютной “семантики языка”, а частью того, что... называется “индивидуальными концептуальными системами”, т.е. системами ложной и истинной информации, отражающими познавательный – невербальный и вербальный – опыт индивида; б) усвоение языка основано на существовании достаточно когнитивно богатой концептуальной структуры; в) понимание есть интерпретация в определённой концептуальной системе, построенной из взаимосвязанных концептов-смыслов, составляющих когнитивно базисные подсистемы мнения и знания; г) именно мнения составляют основу ориентационного отношения человека к миру и являют собой критерий субъективной значимости мира» [2. С. 240–241]. Названные аргументы, конечно же, относятся к разряду философских и в этом своём статусе могут служить методологическим основанием для семасиологии.

Логико-философские и логико-семиотические идеи служат необходимым основанием для формирования когнитивно-семантической теории [10. С. 98], призванной показать ту сложную конфигурацию взаимоотношения значения и смысла, которую можно постичь только при условии глубокого проникновения в порождающие их когнитивные и коммуникативно-прагматические механизмы речевой деятельности. Это позволит по-новому осмыслить логико-философскую доктрину семасиологии, наполнить её живым предметным содержанием. Языковые знаки выступают в роли некоего «двуликого Януса»: а) служат средством обозначения предметов (явлений) и б) второсигнальным средством их замещения в процессе мышления. Вот почему «мы можем добраться до мысли только через слова (никто ещё пока не изобрёл другого способа)» [11. С. 293].

Исходными принципами для развития когнитивной семасиологии, разумеется, должны служить установки, согласно которым приоритетными являются данные лингвистики, полученные с учётом достижений современной

когнитивной науки. При этом, надо полагать, являются пагубными попытки некоторых лингвистов вести собственно когнитивные исследования, лишь иллюстрируя не всегда корректно интерпретируемые положения когнитивистики речевым и языковым материалом. Даже учёным, профессионально работающим в лингвокогнитивистике, не всегда удаётся избавиться от логико-семиотического подхода Р.И. Павилёниса. Так, Н.Н. Болдырев, например, в своих весьма содержательных публикациях также отождествляет смысл с концептом, хотя и апеллирует при этом к теории коммуникативного акта. По мнению ученого, сутью коммуникативного акта является *обмен смыслами*, или *концептами*, с помощью языковых единиц [12. С. 16]. В данном же ключе разъясняется и сущность значения. Им является, по утверждению автора, тот же смысл (концепт), но только системно закреплённый. «Системное значение слова описывает стоящий за ним концепт, и в речи на основе этого значения формируется соответствующий смысл» [12. С. 17]. В этом же ключе рассуждает и В.М. Костенко. В понимании автора, смысл, будучи синонимом концепта, является глобальным, диффузным отражением некой денотативной ситуации как целостного, нечленимого объекта вербальной репрезентации [13. С. 35]. Такого рода суждения напоминают уравнивание с несколькими неизвестными. Во-первых, можно ли считать смысл концептом, во-вторых, с чем соотносится концепт – со смыслом или со значением. И наконец, в чём суть того или иного соотношения? Над этими вопросами размышлял известный семасиолог М.В. Никитин. Поскольку концепты обозначаются словами, а слова как языковые знаки имеют значения, то значения можно определить как концепты, связанные знаками (ср.: [14. С. 88]). Иными словами, полагал ученый, концепты являются мыслительным коррелятом значения. Вполне, на наш взгляд, корректное определение. Однако при этом без вразумительного ответа остаётся вопрос о том, как соотносится с концептом и значением смысл? В одних публикациях он используется в качестве равнозначного термину «концепт», в других – как синоним.

Мы полагаем, что вербализованный концепт не тождествен ни смыслу, ни денотату, хотя и обладает смысловым содержанием, т.е. интегрирует в себе разные денотативные смыслы обыденно-понятийной, оценочной и образной природы. Так, слово *идиот* изначально в греческом языке служило обозначением человека, который не интересуется политикой. С укреплением в Афинах демократии это слово стало обрастать презрительным смыслом, подразумевалось, что идиоты не интересуется политикой не из личных предпочтений, а от недостатка ума. В процессе длительной концептуализации этого денотата слово *идиот* приобрело значение «человек, страдающий врождённым слабоумием», мыслительным коррелятом которого служит одноимённый концепт.

Концептуализация денотата происходит как в онтогенезе, так и в филогенезе. В онтогенезе ребенок концептуализирует действительность поэтапно. На первом этапе концепты ребенка по содержанию и структуре существенно отличаются от концептов взрослого (Е.И. Гришук). Формирование концепта в онтогенезе идёт от образного, чувственного (у ребенка концепты практически равны образам) к более рациональному (см.: [15. С. 7]). Затем концепты-образы обогащаются рациональными и эмоциональными элементами. Однако

чувственно-образная, эмпирическая основа концепта не исчезает и у взрослого человека. Именно благодаря их наличию человек оперирует многочисленными когнитивными метафорами. Этим, собственно, и обуславливается характер взаимоотношения смысла с концептами и понятиями.

С коммуникативно-прагматической точки зрения концепт представляет собой вербально явленный смысл, а по отношению к понятию, «останавливающему текучесть, связывающему разнообразие субъектов в некое объективное единство» [16. С. 121], концепт «бесконечно вариативен» [17. С. 35]. Возможно, именно в вариативности, «текучести» концепта кроется причина постепенного вытеснения из сферы философии культуры фигуры понятия и замещения её фигурой концепта. Если «тотальное, всеобщее» понятие [18. С. 12] предназначено «расчистить пути к чему-то одному-единственному» [19. С. 123], то концепт является таким мысленным образованием, которое в индивидуальном или коллективном сознании способно замещать значение слова, создавать его эмоциональную ауру, оставляя при этом «возможность для сотворчества, домысливания» [19. С. 5]. В силу этих своих свойств (субъектности, фрагментарности, вариативности, открытости структуры) смысловое содержание концепта, связанное с особенностями этнокультуры (её фрагментарностью, множественностью, открытостью структуры), может оказаться противоположным значению соответствующего слова-репрезентанта. Вспомним русские народные сказки про Ивана-дурака, где, несмотря на значение имени главного персонажа, зашифрован алгоритм удачи. Он – носитель высоких жизнесмыслов. А как благоразумно он относится к выпавшим на его долю испытаниям, от которых зачастую зависела его жизнь! Он не бьётся головой о стену, не стонет и не жалуется на несправедливость. Как правило, он собирал котомку и отправлялся в путь. Смысл такого поведения – в созидательной деятельности. Какие пути-дороги выбирал Иван-дурак? Обычно шёл интуитивно: «туда, не знаю куда». Да что с него взять? Дурак ведь! Только почему-то оказывался умнее своих умных и целеустремлённых братьев. Ценность таких концептов для понимания этнокультуры обуславливается выполняемыми ими функциями. Важнейшей из них является функция эквивокации – фундаментальный принцип отношения слова как двусмысленности мира, в котором нет места однозначности, категоричности и ограниченности. «Всё ценное в мире открыто в пространстве разума для *двойного прочтения*», – писал Ж. Делез [17. С. 45]. В конечном итоге смысловое содержание концепта является фокусом совмещения основных антропологических факторов культуры: этнического, исторического, психологического и языкового.

Неравнозначность значения и смысла хорошо иллюстрируется лексикографической практикой: словари способны фиксировать все значения полисемантического знака-номинанта, но ни один из них не содержит исчерпывающего множества его смысловых вариаций. Ещё более явно своеобразие смысла обнаруживается в знаках коммуникативного плана – предложениях. Смысловое содержание предложения настолько специфично, что оно стало предметом отдельной дисциплины – семантического синтаксиса. Если словесный знак соотносим с понятием, то предложение – знак сложный, непосредственно соотносимый с событием, или денотативной ситуацией. Смысл

предложения обуславливается его целостностью и обращением к так называемому предметному содержанию. В семантическом синтаксисе всё предложение рассматривается как знакообозначение события, участники которого (предметные понятия, актанты) участвуют в формировании смыслового содержания предложения. Современная лингвокогнитивистика опирается на концепцию Т.П. Ломтева, понимавшего под содержанием предложения «систему с отношениями», центром которой является выразитель отношений – предикат, задающий места для предметов, определяющий их количество и характер. При этом мыслительным основанием смыслового содержания предложения служит отображаемая в предложении денотативная ситуация и её семантическая модель – пропозиция, некая семантическая константа, или семантический инвариант. Пропозиция как отображение денотативной ситуации может иметь вид семантической абстракции, психологической реальности или логического суждения. Иногда пропозицию называют значением предложения, хотя чаще под пропозицией понимаются отношения между предикатом и его аргументами.

Когнитивная поэтика, опираясь на феноменологию Э. Гуссерля, рассматривает семантику языковых выражений с точки зрения понятия интенциональности. Этот подход исповедовали в своё время А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет, Ф. Брентано, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др. Дальнейшее развитие он получил в работах Г.И. Богина и О.А. Алимурادова. Для нашей концепции важно положение о том, что сама по себе интенциональность языком не обусловлена. Как полагает Ж.-П. Сёрль, младенцы и многие животные обладают «интенциональными состояниями», хотя и не имеют языка. Поэтому язык надо выводить из интенциональности, а не наоборот. Речевые акты, заметим, обладают вторичной формой интенциональности.

Итак, когнитивная семасиология объединяет два подхода к исследованию значения и смысла языковых единиц и речевых построений: номинативный и коммуникативный. С точки зрения номинативно ориентированной семасиологии значение словесного знака обычно определяется предметом обозначения (денотатом); смысл же детерминирован концептом, представляющим собой социально обусловленное представление (обыденное понятие) об этом денотате. В концепте содержится та информация, по которой данный словесный знак соотносится с предметом знакообозначения (ср.: [20. С. 19]). В связи с этим концепт является этнокультурным феноменом, соотносящимся с типовым для данной лингвокультуры представлением, – прототипом. Прототип служит тем смысловым ориентиром, по которому однородные референты обобщаются в собственно денотат словесного знака, который является типовым представлением, целостно представляющим интегрирующим смысловые признаки всех подводимых под этот денотат референтов. Коммуникативно-когнитивная семасиология занимается выявлением сферы бытования смысла и механизмов его речевой реализации. При этом определяется природа и сущность значения и смысла, их принадлежность идиолектному или этноязыковому сознанию, системе языка или сфере речевой деятельности. Доречевой смысл – это «общая соотнесённость и связь всех относящихся к ситуации явлений» [21. С. 562]. Речевой смысл всегда ситуативен, обусловлен контекстом, принадлежит речи и первичен по отношению к значению, которое, в

свою очередь, внеконтекстно, неситуационно, принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется, в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым, исключительно составителями словарей [22. С. 88]. Ситуационный характер смысла порождается, по мнению О.А. Алимурادова, интенциями говорящих. В основе формирования смысла текста (О.А. Алимуратов называет его глобальным смыслом) лежит восприятие некоторой ситуации как проблемной, в силу чего фактором, интегрирующим окказиональные смыслы и значения, является интенциональность. Следовательно, смыслообразование – обязательный элемент порождения и восприятия текста. Причём глобальный смысл представляет собой целостное содержательное образование, первичное по отношению к значению. Из этого можно предположить, что значение абстрагируется от смыслов и связывает идиолект с национальным кодифицированным языком. Смысловое содержание языковых единиц связано с вербализованными представлениями, понятиями, суждениями и умозаключениями. Языковое значение представляет собой исторически и социально закреплённую связь знака с предметами и явлениями действительности. Наконец, оптимальное решение проблемы отношения смысла и значения к сознанию позволит приблизиться к пониманию закономерностей формирования концептуальной и языковой картин мира, которые связаны между собой также диалектически, как и синергетически взаимообусловленные виды когнитивной деятельности человека [23] – предметно-мыслительная и речевая.

Перспективы исследования значения и смысла лежат в русле лингвистической аксиологии, лингвокультурологии в её стремлении проникнуть в глубины ценностно-смыслового пространства языка, и лингвистической антропологии. Весьма актуальной проблема значения и смысла остаётся в рамках разработки систем «искусственного интеллекта», лингвокогнитивистики и лингвопрагматики.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Павлѐнис Р.И. Проблема смысла: (Современный логико-философский анализ языка). М.: Мысль, 1983. 286 с.
3. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. 216 с.
4. Структура и смысл. Киев: Наук. думка, 1989. 228 с.
5. Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики. М., 1980. С. 38–41.
6. Вяткина Н.Б. Смысл и онтология в логике / АН Украины. Ин-т философии. Киев: Наук. думка, 1991. 124 с.
7. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
8. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 19. М., 1986. С. 242–263.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
11. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки рус. культуры, 1999. 780 с.
12. Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Когнитивная семантика. Тамбов, 1999. С. 11–17.
13. Костенко Н.В. Значение и смысл как категории когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: Современное состояние и перспективы развития. Ч. 2. Тамбов, 1998. С. 34–36.

14. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997. 757 с.
15. Бабушкин А.П., Долгова М.В. Языковая объективация типизированных представлений. Воронеж, 2011. 122 с.
16. Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999. 277 с.
17. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 29–35.
18. Григорьев А.А. Культурологический смысл концепта: дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 175 с.
19. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
20. Черч А. Введение в математическую логику. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 488 с.
21. Богин Г.И. Интенциональность как направленность рефлексии // Мысли о мыслях. Т. 3, ч. 2. Новосибирск: СО РАН, 1995. С. 86–102.
22. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск, 2003. 305 с.
23. Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1992. 200 с.